

*Ведилин Н.А.,
выпускник магистратуры Рязанского государственного университета
имени С.А. Есенина*

ИНОЗЕМНЫЕ НАЁМНИКИ РУССКОГО ВОЙСКА В БИТВЕ ПРИ МОЛОДЯХ

***Аннотация.** Статья посвящена актуальной теме – участию иноземных наёмников на стороне русского войска в битве при Молодях, 450-летний юбилей которой мы отметим 28 июля – 2 августа нынешнего года. Целью работы является исследование роли иноземных наёмников в победе русского войска в битве при Молодях. Автор определяет значение термина «иноземные наёмники», раскрывает их роль и значение в битве. Также в статье рассмотрено вооружение разных групп наёмников и их боевой потенциал, историческая актуальность наёмников в русском войске. В результате исследования установлено, что вклад наёмников в победу русского войска был ощутимым, но не определяющим.*

***Ключевые слова:** битва при Молодях, казаки, рейтары, гофлейты, наёмники.*

***Annotation:** The article is devoted to an actual topic – the participation of foreign mercenaries on the side of the Russian army in the Battle of Molodi, the 450th anniversary of which we will celebrate on July 28 - August 2 this year. The aim of the work is to study the role of foreign mercenaries in the victory of the Russian army in the Battle of Molodi. The author defines the meaning of the term "foreign mercenaries", reveals their role and significance in the battle. The article also discusses the armament of various groups of mercenaries and their combat potential, the historical relevance of mercenaries in the Russian army. The study*

found that the contribution of mercenaries to the victory of the Russian army was tangible, but not decisive.

Key words: *the Battle of Molodi, cossacks, reitars, goflate, mercenaries.*

Битва при подмосковной деревне Молоди, произошедшая между 28 июля и 2 августа 1572 года, по праву считается важнейшим сражением отечественной истории XVI века. В 2022 году отмечается 450-летний юбилей этого эпохального сражения, значение которого по нашему мнению, для Государства Российского превосходит более известные Куликовское (1380 г.) и Бородинское (1812 г.) сражения и стоит рядом с битвой за Москву в декабре 1941 года.

Ранее участие иноземных наёмников в битве при Молодях рассматривалось лишь в аспекте численности, и ограничивалось упоминанием наличия их в русском войске. А вооружение и тактика действий в расчёт не принимались. Причём донские казаки исследователями воспринимались не как иноземцы, а как русские подданные. Такое изучение вопроса представляется неполным и однобоким.

В частности, Н.М. Карамзин в главе III тома IX «Истории государства Российского» описывает битву в трёх абзацах, не сказав о наёмниках ни слова. [1] В.О. Ключевский в «Курсе русской истории» обходит этот вопрос стороной. [2] С.М. Соловьёв в VI и VII томах фундаментального труда «История России с древнейших времён», где рассматривается интересующий нас период, также ничего нет о наёмниках в Молодинской битве. [3] Один из лучших отечественных специалистов по рассматриваемому периоду Р.Г. Скрынников в своей книге «Василий III. Иван Грозный» вопрос вклада иноземных наёмников в победу также не рассматривает, ограничившись упоминанием о них. [4]

В связи с вышеуказанным, считаем, вопрос значения иноземных наёмников в битве при Молодях и их вклад в победу русского войска изучены

недостаточно и требуют исследований, что и стало целью настоящего исследования, результаты которого приведены ниже по тексту.

Политическая ситуация, предшествующая сражению при Молодях, для Русского царства сложилась крайне сложная. Уже больше десяти лет продолжалась Ливонская война, в которой противником Русского царства выступил ряд европейских государств, чей суммарный экономический и мобилизационный потенциал значительно превосходил потенциал государства Ивана Грозного. Поэтому затяжная война «на истощение» была для Русского царства обречена на поражение.

Положение осложнялось свирепствовавшей на Руси эпидемией чумы, которая захватила даже столицу, о чём свидетельствует Генрих фон Штаден. [5] Масштаб бедствия был очень велик, поэтому Иван Грозный для ликвидации эпидемии был вынужден пойти на очень жёсткие меры. В частности, заражённые районы блокировались войсками, а всех, пытавшихся выйти из них, сжигали. [5] В городах стражники заколачивали дома, где появились заражённые и сжигали, не разбираясь, есть ли там ещё здоровые люди. [5] Эпидемией было охвачено 28 городов центральных и северо-восточных областей государства, только в одном Великом Устюге умерли 12 тысяч человек. [5]

Сложившейся ситуацией решил воспользоваться крымский хан Давлет I Гирей, и одним ударом ликвидировать русскую государственность. В его планы входило восстановление положения, существовавшего при хане Батые в XIII веке, когда Русь находилась в вассальной зависимости от Орды. После сожжения крымскими татарами Москвы в 1571 году сама русская государственность висела на волоске, и для её ликвидации было достаточно одного удара. Гирей перед походом 1572 года прямо заявлял, что он едет «в Москву на царство». [6]

В Поволжье шла вторая черемисская война, татары Казани и Астрахани помнили о недавней независимости, а главные силы русской армии были

задействованы на западном театре военных действий. В сложившейся ситуации собрать войско, достаточное для отражения предстоящего набега, было крайне проблематично. После набега 1571 года многие области государства обезлюдели. Сборщики налогов отмечали, что в Шелонской пятине оставшиеся жители заявили, что «запустили у нас де деревни от податей, и з голоду люди померли, а иные з голоду люди поразошлись». [6] На Рождественском Сиверском погосте сборщики налогов констатировали: «Запустил... тот... погост от лихого повитрия, а детей боярских – помещиков и крестьян в том Усть-Сиверском погосте нет с тех лет и по ся места никакого жила». [6] В окрестностях Новгорода, не затронутых набегом, около 60 процентов крестьянских хозяйств стояли заброшенными. [6]

Таким образом, мобилизационные возможности России в описываемое время были очень низкими, в связи с чем царь Иван IV решился на вербовку наёмников на территориях, находившихся вне пределов юрисдикции Русского царства. Такая вербовка в сложившейся ситуации была возможна лишь с двух направлений – с юга и запада. На юге находились казачьи земли, жители которых в то время не идентифицировали себя, как русские, но придерживались православной веры, поэтому рассматривались Москвой, как относительно лояльные союзники. На западе были Речь Посполитая – государство, возникшее, как тесная уния Польского королевства с Великим княжеством Литовским и Ливония – историческая область в Прибалтике, включавшая территорию бывшего Ливонского ордена, в рассматриваемое время состоявшая из Ливонского королевства, Вольного города Риги, Задвинского Герцогства, Шведской Эстляндии и Герцогства Курляндия и Семигалия.

«Полковая роспись берегового войска Воротынского» даёт полную картину состава русского войска накануне сражения. В данной росписи мы видим перечень воинских отрядов, пришедших из разных земель с указанием их численности. Приписка «...опричь Мишки с казаки» свидетельствует о том,

что численность присоединившихся к русскому войску казаков составителям росписи была неизвестна. Мишка – Михаил Черкашенин – являлся представителем донского казачества, но прозвище Черкашенин явно свидетельствует о его происхождении из запорожских казаков, которых в официальных документах называли черкасами вплоть до XVIII века.

Следует разделять казаков Черкашенина и городских казаков – особую категорию служилых людей, появившуюся ещё в XIV веке. В «Полковой росписи...» при каждом полку указано точное число городских казаков с указанием происхождения: «...да казаков конных с пищальми же: из Шатцкого з головою 50 чел., из Ряского з головою 100 чел., из Донкова з головою 200 чел., из Дедилова з головою 50 чел. И всего в правой руке казаков 500 чел.» [7]

Михаил Черкашенин появился на Дону в конце 40-е годов XVI века, и вскоре стал одним из предводителей донского казачества. Он участвовал во всех военных предприятиях донцев, опираясь на покровительство со стороны Русского царства. В 60-е годы его имя в исторических документах не упоминается. И лишь в грамоте Иван IV от 3 января 1570 года «Атаманам казатцким и казакам всем без отмены», где казакам предложено проводить русского посла И.П. Новосильцева до Азова, Михаил Черкашенин упоминается, как предводитель отряда сопровождения. Судя по отзыву Новосильцева, Черкашенин был самым влиятельным из донских атаманов, способным объединить под своим командованием все казачьи отряды и городки, то есть являлся главой иерархической структуры донского казачества, находящейся на стадии формирования. [9] После Молодинского сражения судьба Черкашенина была уже неразрывно связана с судьбой Русского царства. Погиб он в 1581 году при обороне Пскова от войск Речи Посполитой под руководство короля польского и великого князя литовского Стефана Батория.

Донские казаки, как иррегулярное воинское формирование, не имели единого вооружения. Не было у них и собственного оружейного производства, поэтому вооружались они за счёт грабежа сопредельных территорий. Вооружение донских казаков описываемого периода было стандартным для лёгкой кавалерии того времени: сабля, фитильное ружьё (пищаль), пистолеты. Кроме этого, казаками использовались и более старые образцы оружия – лук со стрелами, которые казачьи части применяли вплоть до XIX века. Пастор Х.К. Теге в своих «Записках...», повествующих о Семилетней войне в середине XVIII века, свидетельствует: «Несколько тысяч казаков и калмыков, с длинными бородами, суровым взглядом, невиданным вооружением — луками, стрелами, пиками — проходили по улице. Вид их был страшен и вместе величествен.» [10] Во время заключения Тильзитского мира (1807 г.) казачий атаман М.И. Платов поразил императора Наполеона своим искусством в стрельбе из лука, за что и был награждён табакеркой, украшенной драгоценными камнями и портретом французского императора. [11] Пика, вопреки стереотипному представлению, в XVI веке на вооружении казаков не стояла.

Число казаков Михаила Черкашенина историки определяют в диапазоне от 3 до 5 тысяч человек. Учитывая, что остальное русское войско, согласно «Полковой росписи берегового войска...», насчитывало 20 тысяч, казаки составляли его заметную часть.

Набранные в Ливонии европейские наёмники были значительно малочисленнее казаков Михаила Черкашенина. В «Полковой росписи берегового войска...» указано, что «Да в большом же полку з головою с Юрьем Франзбеком немец 100 чел., а голова у них Аталык Квашнин да юрьевским и ругодевским немцом с их приставы 200 чел...» [12]

Юрий Франзбек из «Полковой росписи» - это Юрген фон Фаренсбах. Немецкий наёмник, успевший послужить шведской короне. Сопровождая посольство датского принца Магнуса ко двору Ивана IV, Юрген фон

Фаренсбах занялся мародёрством, грабя попавшихся на пути русских подданных. За это по прибытии в Москву он угодил в темницу, а Магнус предпочёл бросить недисциплинированного наёмника на произвол судьбы. Иван IV, полагая, что во время тяжёлой войны даже такими сомнительными кадрами разбрасываться не стоит, предложил молодому немцу поступить на русскую службу. Юрген фон Фаренсбах согласился и отправился в Ливонию набирать наёмников. К моменту сражения при Молодях ему было не более 22 лет.

Ливонский хронист Бальтазар Рюссов о миссии фон Фаренсбаха сообщает: «В 1572 году московит указом поручил Юргену Фаренсбеку Нельфийскому, набирать в службу немецких гофлейтов и приводить их в Москву для действия не только против татар, но против других врагов, как гласил указ. По этому указу Юрген Фаренсбек доставил московиту целый отряд, как ливонских, так и чужеземных гофлейтов. Во веки веков прежде не слышно было, чтобы ливонцы и чужеземцы так приставали к московиту, как в эти годы.» [13]

Численность отряда он не указывает, возможно, потому, что не знает, а определение «целый отряд» относится к категории слухов. Рюссов проживал в Шведской Эстляндии и придерживался шведской ориентации, поэтому наём ливонской кавалерии – гофлейтов – на русскую службу для него был чем-то противоестественным, учитывая военное противостояние между Русским царством и Шведским королевством.

Как мы видим, «Полковая роспись...» указывает точное количество наёмников, которых привёл фон Фаренсбах – не более 300 человек. Даже в сравнительно немногочисленном русском войске они были едва заметны, и оказать решающего воздействия на ход битвы не могли.

Термин «гофлейт» (hofleute) в переводе с немецкого означает «люди свиты», то есть окружение титулованной особы. Но во время Ливонской войны слово приобрело иной смысл. Рюссов так называет наёмные

кавалерийские отряды, состоявшие из ливонских дворян и бюргеров, готовых сражаться за того, кто платит. То есть наёмники, конные ландскнехты.

Вооружение гофлейтов соответствовало принятому в XVI веке в Европе вооружению рейтар – конных полков, появившихся в Европе во время Шмалькальденской войны в середине XVI века. Рейтары имели хороший доспех, и от другой кавалерии отличались ставкой не на холодное оружие, а на огневой бой. Они имели от 3 до 5 тяжёлых кавалерийских пистолетов и меч, который пускали в ход после того, как израсходовали боеприпасы.

Источники прямо не указывают на вооружение гофлейтов Юргена фон Фаренсбаха, но о его мощи можно судить по косвенным признакам. В финальной стадии Молодинской битвы, когда Михаил Воротынский начал обходной манёвр, в русском лагере за стенами гуляй-города остался отряд Дмитрия Хворостинина, командовавшего артиллерией и отряд гофлейтов Юргена фон Фаренсбаха. Артиллерия гуляй-города состояла не только из пушек, но и из «сорок» - многоствольных мелкокалиберных орудий для поражения живой силы противника. Видимо, Волконский, оставляя в укреплениях своего лучшего полководца командовать мощным противопехотным вооружением, хотел быть уверенным, что противник, увлечённый штурмом, не заметит обходного манёвра. В этих условиях малочисленный немецкий отряд с мощными пистолетами был весьма кстати. Рейтарские пистолеты имели стволы длиной до 3 футов (более 90 сантиметров) и обладали хорошими стрелковыми характеристиками.

Судьба Юргена фон Фаренсбаха после успешного Молодинского сражения складывалась переменчиво, как у большинства наёмников. Он в 1572-73 годах участвовал в походах русской армии в Ливонию, позже перешёл на службу к датскому королю, а в 1579 году в войске Стефана Батория воевал против своих недавних работодателей – русских. Он был типичным продуктом эпохи, и в возрасте 51 года погиб, сражаясь против шведов на стороне Речи Посполитой.

Для ливонских наёмников Молодинское сражение являлось одним из эпизодов их профессиональной деятельности, а для донских казаков оно стало тем поворотным моментом, с которого началась их реальная интеграция в Русское царство. В грамоте Ивана IV от 3 января 1570 года содержится предложение казакам поступить на службу взамен на оказание со стороны Русского царства всевозможной помощи: «А се такова грамота дана Ивану ж Новосилцову. От Царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси на Донец Северской, атаманом казацким и казаком всем безотмены. Послали есмь для своего дела в Азов Ивана Петровича Новосилцова, и где учнет вас для нашего дела посылати или по вестем, для береженья, на кои места велит вам с собою идти, и вы бы Ивана во всех наших делах слушали безо всякого ослушания, тем бы есте нам послужили, а мы вас за вашу службу жаловати хотим. Писана на Москве, лета 7078, Генваря в 3 день».

Царская грамота запустила процесс интеграции, а первым реальным государственным делом казаков стало участие в Молодинском сражении отряда Михаила Черкашенина. Процесс был длительным и непростым, окончательно казаки стали частью российского государства лишь к началу XIX века.

Таким образом, по нашему мнению вклад иноземных наёмников в победу русского войска в битве при Молодях был ощутим, но решающего значения не имел. Ливонские гофлейты были слишком малочисленны, а казаки Михаила Черкашенина, хоть и имели численность, по разным источникам, от 3 до 5 тысяч всадников, составляли менее 25 процентов от общей численности русского войска, к тому же, не имели тяжёлого вооружения. Прямого столкновения с крымским войском наёмники выдержать не могли по причине катастрофического неравенства сторон. Без их участия русское войско, возможно, понесло бы более значительные потери, но в сложившихся условиях победа русского войска всё равно была бы одержана.

Список использованных источников:

1. Карамзин Н.М. История государства Российского / Карамзин Н.М.; [обработ. и ред. Ю. Медведев]. - Москва: Эксмо, 2009.
2. Ключевский В.О. Курс русской истории. Полное издание в одном томе / В.О. Ключевский – Москва: Альфа-книга, 2019. – 1997 с.
3. Соловьев С.М. История России с древнейших времен / соч. Сергея Соловьева. - Изд. 5-е. - Москва: Унив. тип. (Катков и К°), 1874-1889.
4. Скрынников, Р.Г. Василий III. Иван Грозный / Р.Г. Скрынников – Москва: Аст, 2008, 144 с.
5. Скрынников Р.Г. Опричный террор. Л., Издательство Ленинградского университета, 1969 (Ученые записки Ленинградского ордена Трудового Красного Знамени Государственного педагогического института им. А.И. Герцена. Т. 374.
6. Новгородская летопись по сборнику Архивскому или Малиновского / Новгородские летописи. (Так называемые Новгородская вторая и Новгородская третья Летописи). СПб., Издание Археографической Комиссией, 1879.
7. Буганов В.И. Документы о сражении при Молодях в 1572 году. // Исторический архив, № 4, с.175, 1959.
8. Буганов В.И. Повесть о победе над крымскими татарами в 1572 году // Археографический ежегодник за 1961 год. — М., 1962. — С. 259—275. (Битва при Молодях представлена день за днем).
9. Маркедонов, С. Казачий атаман Михаил Черкашенин /С. Маркедонов //Донской временник. – 1998. – С. 75-78.
10. Записки пастора Теге. К истории Семилетней войны. Русский архив. 1864г. Кн. 11и 12. Стр.1101-1166.
11. Броневский В.Б. История Донского войска (в 4 частях). СПб. 1834г.
12. Буганов Б.И., Бурдей Г.Д. Преславная победа // Вопросы истории. — 1972. — № 8.

13. Рюссов, Бальтазар. Ливонская хроника // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Том II, 1879.
14. Волков В.А. Войны и войска Московского государства (конец XV — первая половина XVII в.). — М.: Эксмо, Алгоритм, 2004. — 576 с.
15. Дудин А.А. Молодинская битва. — М.: Научная библиотека Литагент, 2016.
16. Пенской В.В. Сражение при Молодях 28 июля — 3 августа 1572 г // История военного дела: исследования и источники. — СПб., 2012. — Т. 2. — С. 127—236.